

УДК 930(470.5)"20"

ПО СТРАНИЦАМ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ УРАЛЬСКОГО КУПЕЧЕСТВА: ДЕТСКИЕ ПИСЬМА ПЕРМСКИХ НАССОНОВЫХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Е. Ю. Лебеденко

Института истории и археологии УрО РАН, 620990, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16
hyulebed@mail.ru

Рассмотрен феномен частной переписки провинциального купечества на материалах эпистолярного наследия пермских Нассоновых начала XX в. Проанализированы форма, содержание и информационный потенциал семейной корреспонденции, авторами которой выступает младшее поколение семьи (в возрасте от 9 до 18 лет). Сделан вывод о значимости подобных нарративов для изучения мира городской семьи и детства в провинции в начале XX в.

Ключевые слова: эго-документы, провинциальное купечество, семейная переписка, дети, «детские» тексты.

История отечественного предпринимательства XIX – начала XX в. уже давно не относится к числу второстепенных тем, превратившись в одно из магистральных направлений историографии. Закономерен и устойчивый интерес исследователей к эго-документам, вышедшим из-под пера коммерсантов, в том числе представителей купеческого сословия, составлявшего костяк российской буржуазии пореформенного времени [Скубневский, Гончаров, 2004].

Фигура отечественного предпринимателя долгое время являлась маргинальной для исторической науки, поэтому источники личного характера, авторами которых выступали «капиталисты»-эксплуататоры, ликвидированные как класс после революции 1917 г., востребованы не были. «Антропологизация» истории, поворот к изучению «человека, а не человечества» и расширение исследовательского поля в последней трети XX в. изменили ситуацию, что проявилось в устойчивом интересе специалистов не только к предпринимательской деятельности деловой элиты дореволюционной России, но и к жизнеописаниям наиболее ярких ее представителей. И в том и другом случае «само-свидетельства», оставленные буржуа, активно привлекались теми, кто стремился «оживить» историю, дополнив ее взглядом «снизу» и «изнутри». Обладая высокой степенью субъективности, индивидуальные нарративы незаменимы при реконструкции мира повседневных представлений, обычаев и практик, они не просто фиксируют факты, но позволяют судить об их восприятии.

Наиболее востребованы специалистами оказались мемуарные произведения (воспоминания и дневники), гораздо меньше внимания обращалось на другие эго-документы, например, на частную переписку коммерсантов [Купеческие дневники и мемуары, 2007; Варвара Алексеевна Морозова, 2008; Смирнова, 2011]¹. В большинстве работ по истории предпринимательства письма играют вспомогательную роль, иллюстрируя тот или иной тезис, «украшая» и оживляя научное повествование подробностями быта и нравов российской буржуазии [Банникова, 2011; Лернер, 2003; Маслова, 2010 и др.]. Исключением можно считать немногочисленные работы, которые написаны в источниковедческом ключе и в которых информационный потенциал переписки анализируется применительно к истории купечества отдельного региона [Кошенова, 2005]. Комплексы частной корреспонденции купеческих семей Красноярска, Вятки и Владимирской губернии стали предметом исследования Е.В. Комлевой, В.П. Ключевой и В.А. Фалиной [Комлева, 2012; Ключева, 2003; Фалина, 2000]. Причем в последнем случае речь идет о лингвистическом анализе, позволяющем рассматривать письма в качестве памятника эпистолярного жанра, обладающего определенной стереотипной композицией и отражающего систему принятых в данное время коммуникативных формул.

Редкое обращение историков к эпистолярному наследию отечественной буржуазии объясняется его скудностью и плохой сохранностью по сравнению с качеством обширных частных коллекций подобных нарративов Западной Европы и, соответственно, трудностью поиска и выявления. Между тем высокую степень значимости подобных комплексов при изучении общественного сознания и культуры, а также психологии социальных групп имперской России (на материале корреспонденции дворянского сословия) показали работы Е.Ю. Наумова и Е.Н. Марасиновой [Наумов,

1985; *Марасинова*, 1991, 2008]. По их мнению, среди достоинств данного вида источников выделяется способность передать умонастроение автора, фиксируя «быстроту реакции и спонтанность формулировки важнейших жизненных проблем». Особо подчеркивается и единство основной функции писем – одновременно служить средством общения и информации [*Марасинова*, 1991, с.10]. Большое значение при работе с нарративами такого рода (как и с другими источниками с ярко выраженным личностным началом) имеет изучение вопросов происхождения и авторства. Деловая элита страны не была однородной по составу. Очевидно, что мир, отраженный на страницах корреспонденции столичного миллионера-фабриканта, будет существенно отличаться от картины, «нарисованной» в письмах купца второй гильдии – владельца торгового предприятия второго разряда в любом уездном городе. Изучению эпистолярного наследия одной из провинциальных купеческих династий и посвящена данная работа.

Фамилия уральских предпринимателей Нассоновых, как и имена многих других представителей бизнес-элиты дореволюционного Прикамья, долгое время была забыта. Не будучи владельцами крупных корпораций и многомиллионных состояний (как Каменские, Любимовы, Мешков), они, тем не менее, занимали прочное положение в деловом мире Перми, оставаясь частью этого экономически влиятельного сообщества на протяжении полувека. Биография основателя династии – Василия Михайловича Нассонова (1828–1898 гг.) – достаточно типична для провинциального купца. Выходец из мещанства уездного города (Чердыни), в тридцать один год он переехал в столицу губернии (Пермь), где начал собственное дело, связанное со скупкой и перепродажей сельскохозяйственной продукции. Как и многие уральские коммерсанты того времени, В.М. Нассонов отдавал предпочтение торгово-посредническим операциям, гарантировавшим получение максимальной прибыли в достаточно короткие сроки. Успешное ведение дел позволило Нассонову не только войти в местную деловую элиту, записавшись в первую гильдию пермского купечества в 1868 г., но и удерживать свои позиции на протяжении более четверти века. Двадцатилетний «гильдейский» стаж в сочетании с активной общественной и благотворительной деятельностью обеспечил ему и его семье получение звания потомственных почетных граждан в мае 1888 г. [*Баяндина*, 2002, с.112]. После его смерти в 1898 г. торговое дело перешло в собственность его вдовы, Анны Силовны, а затем – старшего сына, Петра Васильевича, зарегистрировавшего собственную фирму по оптовой торговле сельскохозяйственной продукцией в 1906 г. Масштабы предпринимательской деятельности сына были скромнее, чем у отца. Налоговые документы – ежегодно выкупаемые П.В. Нассоновым свидетельства – фиксируют его неизменную принадлежность ко второй гильдии местного купечества (торговые обороты его фирмы составляли немногим больше 20 тыс. руб. в год). Как и его отец, Петр Васильевич активно занимался общественной деятельностью, неоднократно избирался гласным Пермской городской думы [*Баяндина*, 2002, с.113].

Документальные материалы из личного фонда Нассоновых впервые введены в научный оборот Н.П. Баяндиной в 1990-е гг., однако освещение получила преимущественно предпринимательская деятельность отдельных членов фамилии [*Баяндина*, 1999]. Эпистолярный комплекс этой династии, в особенности переписка личного характера (семейно-бытовой тематики), остался вне внимания специалистов².

Эту корреспонденцию можно условно разделить на две группы – в зависимости от адресатов и авторов посланий. Служебные письма делового характера связаны с фигурой патриарха – В.М. Нассонова и его сына Петра. Частная же корреспонденция семейно-бытового плана организована вокруг невестки Василия Михайловича, жены его старшего сына Августы Дмитриевны (1869–после 1916). Уроженка Калязина (Тверской губернии), в восемнадцать лет она, выйдя замуж за пермяка Петра Нассонова, переехала на Урал, но связь со своими многочисленными братьями и сестрами поддерживала тесную, ведя активную переписку. Эти нарративы содержат множество деталей, позволяющих не просто проследить взаимоотношения близких людей, но описать частную жизнь провинциальных буржуа, включая семейные практики и нормы, бытовавшие в их среде.

Исследовательница феномена семейной переписки Н.Н. Козлова справедливо отмечает, что в культуре недавнего времени переписка давала возможность поддерживать «чувство семьи», тем самым воспроизводя семью как общественное отношение. Обмен корреспонденцией между членами семьи – один из ритуалов, которые и создают то, что называется семьей [*Козлова*, 1999]. Физическая разлука и географическая мобильность заставляли семьи «проговаривать то, что в нормальных обстоятельствах они воспринимали как данность» [*Бюттнер*, 2008, с. 56]. Разлука могла по-

рождать детальные текстуальные свидетельства того, как семьи обсуждали свои чувства и структурировали свою жизнь во времени.

Среди группы писем, адресатом которых является Августа Дмитриевна, особо выделяются эпистолярные, авторами которых выступает младшее поколение Насоновых – внуки В.М. Насонова (ГАПК. Ф. 128. Оп.1. Д.24). Уникальность данных писем заключается в возрасте авторов – корреспондентам в момент их написания было от девяти до восемнадцати лет, что позволяет отнести эти нарративы к «детским» текстам. Исследователи истории российского детства, отмечая непреходящую ценность текстов, созданных детьми и подростками, констатируют нехватку источников подобного рода для начала XX в. [Лярский, 2013, с. 117]. О самоценности «детских» источников и необходимости их использования в историческом изучении неоднократно писала А.А. Сальникова [Сальникова, 2001, с. 417]. Востребованность этих свидетельств связывают с тем, что они позволяют не только реконструировать детский мир «изнутри», но и рассказать о жизни «взрослых с позиции “детского опыта”» [Ромашова, 2013, с. 110].

Адресатом корреспонденции выступает Августа Дмитриевна Насонова, лишь в нескольких посланиях встречаются приписочки, адресованные ее младшей дочери Анастасии, сестре авторов, лишь одно из писем (из Ялты от Александры Насоновой от 11 апреля 1907 г.) предназначено для прочтения всем членам оставшейся в Перми семьи («Дорогие папа, мама и дети!»). Переписка велась нерегулярно, как правило, она была вызвана разлукой матери с детьми, главным образом в связи с отъездом Августы Дмитриевны к родственникам (в Калязин Тверской губернии или Санкт-Петербург). Сами дети уезжали из дома реже – путешествовали по Крыму или отдыхали в с.Ильинском (Пермской губернии), как Александра, или навещали родственников в г. Рыбинске (Ярославской губернии), как Александр летом 1907 г.

Безусловно, вся корреспонденция «сочинялась» детьми с подачи взрослых, в данном случае – матери семейства. Очевидно, благодаря возможности получать весточки от сыновей и дочек она «участвовала» в их жизни, наблюдая ее и сопереживая с ними. Кроме того, через письма происходило приобщение детей к письменной культуре. Не случайно исследовательница феномена «детского» письма А.А. Сальникова подчеркивает, что по существу оно способствует приобщению («научению») к взрослому письменному канону [Сальникова, 2011, с.116].

Анализ документов позволяет сделать вывод о том, что их авторы знакомы с основными этикетными формулами написания писем. Освоив их корректное применение, они начинают каждое послание с обращения «дорогая» или «милая и дорогая мама» и заканчивают словами «твой любящий сын/дочь». Текст «открытого письма» девятилетней Анастасии Насоновой демонстрирует, что она находится только в начале этого пути, осваивая элементарные правила правописания: «...поздравляю тебя с ражденницей. Ражденником и саменинником. тебе поклон от папи...» (письмо от 21 августа 1908 г.). Девочка еще с трудом контролирует свою письменную речь, учится тому, что «пишется» совсем необязательно как «слышится». Впрочем, определенный шаблон написания эпистолы ей знаком – в тексте присутствуют обращение (дорогая мама), концовка (любящая тебя твоя дочь Настя), основной текст содержит «ритуальные» вопросы о здоровье адресата («хорошо ли живешь, здорова-ли»).

Уровень владения письменной речью ее старшими братьями-гимназистами значительно выше, им проще соотносить контроль за написанием слов и выражением своих мыслей. Сравнение текстов письма к матери и приписки к нему, адресованной сестре Насте, показывает, что в первом случае одиннадцатилетний Александр приложил немало усилий, стремясь избежать ошибок, он тщательно выстраивал предложения и подбирал слова: «...У нас была письменная, по которой я получил 3-. Шишка после вашего отъезду на другой день околел, и его схоронили, где и Шарика. Богатка нашлась 6 сентября. Дядя Сила приезжал и через три дня уехал с Левою и тетей Надей...» По-другому построены фразы в его обращении к сестре: они короче, встречаются грамматические (трудности с образованием окончаний у существительных) и пунктуационные ошибки (внутри предложений практически отсутствуют запяты): «...Шишка околел. после вас на другой день. Богатка нашлась. Рыжик поймал маленька мышонка а Манька отняла у него» (письмо от 6 сентября 1904 г.). Учащийся в третьем классе Пермской мужской классической гимназии, Василий не просто осознает значение «правильности» при письме, но фиксирует отступление от канона: «Извини что плохо написал лучше не умею писать да и не хочу» (письмо от 8 сентября 1904 г.). Оба брата еще учатся излагать материал в необходимой последовательности, хотя у старшего выстраивать связ-

ный текст получается значительно лучше. Содержание их писем свидетельствует о том, что они еще приобщаются к нормативному письменному образцу, нередко оставаясь на уровне конкретного мышления. Их тексты похожи на сочинения-повествования, авторы которых редко выступают от собственного имени. «...Мы исправили насос и Николай дворник предложил его испробовать, с этой целью он притащил его к забору, который ведет на улицу, запер ворота, принес ведро с водой а мне велел лить через забор; в это время шел барин с мальчиком их и окатило; барин давай ругаться, а потом как закричит: городской!!!! Мы давай хохотать, на наше счастье городского на углу не было и барин ушел с носом. Потом мы стали поливать двор, вдруг кишка порвалась и нас всех окатило, папа это увидел и спрятал бы насос, если бы его не утащили; потом мы его <...> вставили <...> и давай опять качать, да поливать голубей да куриц, курицы ходили все мокрые, бабушка их увидела в таком положении с террасы и пожаловалась папе, папа же с Петром Андреевичем выбежали и отняли насос», – сообщает маме Василий (письмо от 8 сентября 1904 г.). Тексты обоих мальчиков отличает фактологичность – они более склонны к передаче фактов, а не к их анализу или оценке. Типичным представляется рассказ четырнадцатилетнего Александра о пребывании в г.Рыбинске в июне 1907 г.: «...Мы прожили здесь больше недели. Квартиру сняли против бульвара недалеко от Блохиных, у третьягодних хозяев. Я, Петр Андреевич и Митюшка были в цирке и на синемаграфу: первое отделение представляли куклы: второе отделение показывали картины. В цирке всех смешил дедушка Рыжий и I Костанди клоун. Мы почти все время играем с Петром Андреевичем в карты. Василий Блохины и Охлобыстины ездили в Ярославль...» (из письма от 11 июня 1907 г.).

В отличие от младших братьев и сестры старшие дочери Насоновых (Анна и Александра) в своих письмах демонстрируют большую степень освоения языкового канона, четко фиксируя собственное «я». Их письменная речь достаточно развита, чтобы свободно излагать мысли и чувства. Здесь четче проявляется стремление не только описать, но и оценить как свои действия, так и действия окружающих: «...Вчера ездили в Алупку, Симеиз, Ливадию и Ореанду, в последней из них супруга Константина после пожара дворца наплакала две раковины, слезы хранятся до сих пор. Одна раковина с нашу, находящуюся у умывальника<...> конторского 5-ого. А другая еще больше. Проводники рассказывают этот факт, как действительно случившийся, воображая, что публика верит...» (из письма шестнадцатилетней Александры от 11 апреля 1907 г.). Анна (восемнадцать лет) обстоятельно описывает свои впечатления от посещения одного из спектаклей городского театра в январе 1908 г.: «... Музыка мне очень понравилась, но хористки! – отвратительные. Неужели Левицкий не нашел ничего лучшего? Мне понравился голос у Хлюстина – такой чистый и приятный, но зато игра деревянная. Остальные очень посредственные, особенно какой-то Обухов прямо нецензурен. Левицкий такая гадость, прямо не сравнишь со Строевым...» (письмо от 21–22 января 1908 г.).

В отличие от младших братьев девушки более эмоциональны в своих посланиях, они чаще стремятся поделиться с мамой своими переживаниями, интересуются жизнью семьи. Александра, отдыхающая в с.Ильинском, не только рассказывает о себе («...в 20-х числах сего месяца в доме Теплоуховых будет детский спектакль. Мы и Ниночка тоже участвуем. Роли довольно большие. Мне сперва дали роль гимназиста, а потом отменили, и дали роль горничной, чему я очень рада...»), но и волнуется об оставшихся в Перми родственниках, спрашивая: «...Как здоровье детей и твое? Приехала ли тетя Сима? Нравится ли Вам на даче? Когда вы пустили Митю и когда вы переехали в Курьи? Живет ли с вами Катя с Маней?» Тексты писем старших дочерей наполнены деталями, они образны и экспрессивны: «...Сегодня пробовала прыскать цветы водой и конечно с медвежьей ловкостью, т.к. залила стекла у окон и накапала на пол. Напиши, которые цветы надо прыскать, и которые – нет. Я прыскала пальмы и все те, которые походят на елочки. Самую хорошенькую стала прыскать и спохватилась, что может быть не надо. Надо ли еще тот, который стоит в зале, самый большой, колючий?» (из письма восемнадцатилетней Анны от 21–22 января 1908 г.).

Анализ содержания писем младших Насоновых позволяет выделить несколько ключевых тем, затрагивавшихся в той или иной мере всеми корреспондентами: образование (учеба), воспитание, отношения в семье, увлечения и хобби младших членов семьи. Очевидно, что обращение к теме образования в письмах детей к матери связано с интересом, который проявлял к ней адресат. Насоновы, как и многие другие буржуа пореформенного времени, стремились дать детям образование по европейскому образцу (см. подробнее [Маслова, 2010]). Трое из корреспондентов учатся в

гимназиях (Василий – в классической, Александр и Александра – в частных заведениях О. Циммерман и Л.В. Барбатенко), кроме того, старшие дочери берут частные уроки музыки у известной в Перми преподавательницы С.В. Гедговд.

Учеба, безусловно, занимала важное место в повседневной жизни младшего поколения семьи. Сообщали дети о своих успехах и достижениях по-разному. Сопоставление текстов девочек и мальчиков по данной проблематике позволяет проследить гендерные различия в подаче материала. Если из писем четырнадцатилетней Александры Августа Дмитриевна узнавала, что «...уроков теперь задают порядочно. По истории у нас теперь не Диамидов, а Кинги. На днях Кинги женился. Алгебру и геометрию еще не начали. Новеньких у нас только две Корнилова и Петрова, одна второгодница Муниелло...» (письмо от 6 сентября 1904 г.), то учащийся в третьем классе классической гимназии Василий рассказывал: «...к нам вместо Кинги поставили Шпану (Хлынского) он только что кончил университет и очень зол и неопытен, его мы не слушаем и за то каждый урок его стоим в углу штук по 10» (письмо от 8 сентября 1904 г.). Одиннадцатилетний Александр, как и его брат, не интересуется личной жизнью преподавателей, для него важнее тот факт, что «...у нас была письменная, по которой я получил 3-», а «...четверть кажется кончится 15 октября. Теперь по арифметике проходим иксы» (письмо от 6 сентября 1904 г.). Очевидно, что «взгляд» девочки-подростка сосредоточен скорее на личных взаимоотношениях, мальчики же больше увлечены своими «успехами».

Письма позволяют получить представление о воспитательных принципах в семье. У каждого из детей есть «свои деньги» – строго определенная сумма, которую можно было потратить на приобретение каких-либо вещей по желанию ребенка. Василий, например, в письме от 8 сентября 1904 г. просит маму купить на эти деньги пароход. Родители пытаются воспитать у наследников серьезное отношение к деньгам, прививая принцип экономии. Александра, путешествуя по Крыму весной 1907 г., поздравляет родных с праздником Пасхи письмом, а не телеграммой, так как «...это стоит очень дорого. До Севастополя 1 руб. 20 коп.» (письмо от 11 апреля 1907 г.). Годом ранее она просила маму приобрести новые часы (взамен сломанных) в Петербурге, «потому что будет дешевле». Часы становятся одной из вещей, крайне необходимых в жизни гимназистки, – «потому что без часов очень неудобно, в особенности в учебное время». Другой приметой времени, обладающей не меньшей значимостью для пятнадцатилетней горожанки, выступает велосипед: «... Привези мне велосипед, его купи на мои деньги. Напиши купишь или нет часы и велосипед...» (письмо от 10 сентября 1906 г.). Воспитывая чувство ответственности, родители дают детям хозяйственные поручения. Анна, например, в отсутствие матери ухаживает за домашними растениями (письмо от 21–22 января 1908 г.).

Немалую часть писем занимает важная для авторов тема проведения свободного от учебы времени. Дети с увлечением описывают матери, как «...ездили с Сильчем на лодке на ту сторону и там засели на мели и от берега долго не могли отъехать» (Василий), или то, что смотрели «...где строят вокзал для полустанка новой железной дороги» (Александра), или то, что «...была у нас опера, при участии Анастасии и Вали» (Анна). Лето семья Нассоновых, как правило, проводила за пределами Перми, снимая дачу в городском пригороде (Нижних Курьях) или переезжая в собственный дом (в с. Таборы Оханского уезда Пермской губернии). Там дети катались на лодке, совершали конные прогулки, собирали землянику. Девочки в свободное время вязали. В январе 1908 г. Анна сообщила матери о безуспешных попытках братьев заняться фотографированием: «Сегодня Митька меня снимал несколько раз, папу, Петровича и никто не вышел» (письмо от 21–22 января 1908 г.). Старшие дочери разделяли мамино увлечение театром, описывая некоторые спектакли труппы А.А. Левицкого. Город предоставлял и другие возможности для развлечения, такие как посещение цирковых представлений или синемаатографа (письмо Александра от 11 июня 1907 г.).

Жизненным фоном писем служат новости и слухи о пермских знакомых семьи. Очевидно, что из повседневной рутины детьми выбирались те события, которые, как им казалось, способны заинтересовать адресата и запомнились самим авторам: замужество Т.В. Мешковой, болезнь П.К. Крутч, похороны А.А. Безгодова и пр. Из близких родственников, которые упоминаются авторами на страницах писем, фигурируют отец, Петр Васильевич (в связи с предполагаемым отъездом на дачу), и бабушка – Анна Силовна Нассонова (вдова В.М. Нассонова). К ней внуки ходят в гости («на пельмени») и от ее лица передают приветы и поклоны Августе Дмитриевне. Встречаются упоминания и о визите дяди корреспондентов, брата отца Силы Васильевича Нассонова с семьей (же-

ной Надеждой и сыном Львом). О теплом отношении к деду и теткам со стороны матери свидетельствуют приписки дочерей Августы Дмитриевны с пожеланием здоровья дедушке (имеется в виду Д.И. Охлобыстин) или приглашением «Охлобыстиных на лето к нам».

Изредка дети пишут о таких событиях, которые не затрагивали их жизнь или жизнь семьи напрямую. Для детей проводы солдат на войну (в сентябре 1904 г.), митинг за Камой («о котором мы не знали»), убийство драгунского офицера находятся на периферии их микромира, их появление в тексте писем – скорее исключение, чем правило. Они описываются без подробностей, представляют собой случайные «вкрапления» в повествование о гораздо более ценных для корреспондентов событий детского мира.

Таким образом, обращение к семейным письмам одной из купеческих династий Перми позволяет не только осветить отдельные аспекты частной жизни представителей делового мира российской провинции, но и «увидеть» мир городской буржуазной семьи начала XX в. глазами детей и подростков, углубив наши знания о семейных практиках имперского периода в целом.

Примечания

¹ См. также серию «Россия в мемуарах» издательства «Новое литературное обозрение».

² Хотя часть писем привлекалась при исследовании менталитета горожан пореформенного периода (см., например [Бушмаков, 2006]).

Список источников

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 128. Оп. 1. Д. 24.

Библиографический список

- Банникова Е.В.* Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода): дис. ... докт.ист.наук. Оренбург, 2011.
- Баяндина Н.П.* Купечество и торговые дома Урала в пореформенный период, 1860-е годы – начало XX в. (на материалах Пермской и Вятской губерний): дис. ... канд.ист.наук. Пермь, 1999.
- Баяндина Н.П.* Пермь купеческая. Пермь, 2002.
- Бушмаков А.В.* Изменения ментальности городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис.... канд.ист.наук. Пермь, 2006.
- Бюттнер Э.* Письма почталыона: дистанционная интимность и семейная жизнь индийских колонизаторов // *Ab imperio*. 2008. № 2.
- Варвара Алексеевна Морозова: на благо просвещения Москвы. Т. 1: Биография. Дневники Вари. М., 2008.
- Клюева В.П.* Письма из вятской глубинки. (Историко-культурный анализ писем семьи Жернаковых. 1881–1896 гг.) // Герценка: Вятские записки. Киров, 2003. Вып. 4.
- Козлова Н.Н.* Сцены из частной жизни периода «застоя»: семейная переписка // Журн. социологии и соц. антропологии. 1999. Т.2, вып.3. URL: <http://www.old.jourssa.ru/> (дата обращения: 12.04.2014).
- Комлева Е.В.* Документы из коллекции красноярских купцов Ларионовых: состав и перспективы изучения // Матер. I межрегион. науч.-практ. конф. «Архивные документы в системе объективного научного знания об истории Сибири». Абакан, 2012.
- Кошенова Н.Ю.* Источники личного происхождения о сибирском купечестве второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд.ист.наук. Барнаул, 2005.
- Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. / сост. А.В. Семенова, А.И. Аксенов, Н.В. Серета. М., 2007.
- Лернер Л.А.* Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в. (на примере Курской губернии): дис. ... канд.ист.наук. Курск, 2003.
- Лярский А.Б.* Школьные рукописные журналы и газеты конца XIX – начала XX в. как фактор социализации // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. № 2(22).
- Марасинова Е.Н.* Социальная психология интеллектуально-аристократических кругов российского дворянства последней трети XVIII в. (Опыт формально-количественного анализа источников эпистолярного характера): дис.... канд.ист.наук. М., 1991.
- Марасинова Е.Н.* Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII в.: по материалам законодательства и переписки: дис. ... докт. ист. наук. М., 2008.
- Маслова И.В.* Менталитет провинциального купечества Российской империи в XIX – начале XX вв. (на материалах уездных городов Вятской губернии): дис. ... докт.ист.наук. Казань, 2010.

Наумов Е.Ю. Переписка Чичериных как источник по истории общественного сознания и культуры России второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд.ист.наук. М., 1985.

Ромашова М.В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. № 2(22).

Сальникова А.А. «Детское письмо» и его специфика // Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации. Казань, 2011.

Сальникова А.А. Внуки советской империи: детские сочинения на тему «Я, моя семья, моя страна в 1990-е годы» // Ab imperio. 2001. № 1–2.

Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Купечество Сибири второй половины XIX в. // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. URL: <http://zaimka.ru/skubnevsky-merchants> (дата обращения: 02.10.2013).

Смирнова М.А. Мемуары и дневники петербургских купцов конца XVIII – начала XX вв. как исторический источник: автореф. дис. ... канд.ист.наук. СПб., 2011.

Фалина В.А. Фразеология эпистолярного жанра (на материалах частной переписки купеческого сословия Владимирской губернии середины XIX – начала XX в.): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2000.

Дата поступления рукописи в редакцию 09.09.2015

READING THROUGH THE PAGES OF URAL MERCHANTS' FAMILY CORRESPONDENCE: CHILDREN'S LETTERS OF THE NASSONOV FAMILY FROM PERM PROVINCE OF THE EARLY XX CENTURY

E. Yu. Lebedenko

Institute of History and Archaeology, Ural branch, Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskoy str., 16, 620990, Yekaterinburg, Russia
hyulebed@mail.ru

The paper deals with the scantily explored phenomenon of family correspondence of the provincial merchant class by focusing on the epistolary heritage of the Nassonov family from Perm in the early 20th century. A study of non-business letters exchanged between the members of one of the entrepreneurial dynasties of pre-revolutionary Perm enables to shed light on some aspects of the provincial bourgeoisie's private life, including family practices and the norms existed in their environment. The paper is concerned mainly with the letters written by a younger generation of the family (aged from 9 to 18) and addressed to their mother, Augusta Nassonova. The correspondence of young Nassonovs is considered as a phenomenon of children's writings; therefore, special attention is given to the ways in which the letters were written. An attempt was made to trace gender and age distinctions between the texts of adolescent boys (ages 11-14) and girls (15-18 years). Those differences manifested both in the choice of topics and in the way of description. The addressee provided a certain influence on the subjects selected by letter writers. The mother expected children to write to her during her/their absences in Perm and in that way participated in their lives by sharing their joys and troubles. The letters were full of references to the children's everyday life, providing much material relevant to the methods of upbringing and education, leisure activities and hobbies of young Nassonovs, relationships within the family. Apparently, the authors were more interested in the inner lives of the family and events that would touch them or their immediate surroundings directly. The great political events (e.g. war or revolution) attracted their attention rarely. It is concluded that such narratives have a definite value in the study of the world of urban bourgeois families and childhood in the province of the early 20th century.

Key words: ego documents, provincial merchants, family correspondence, children, "children's" writings.

References

Bannikova E.V. Povsednevnyaya zhizn' provintsial'nogo kupechestva (na materialakh guberniy Urala doreformennogo perioda): dis. ... dokt.ist.nauk. Orenburg, 2011.

Bayandina N.P. Kupechestvo i trgovye doma Urala v poreformenny period, 1860-e gody — nachalo XX v. (na materialakh Permskoy i Vyatskoy guberniy): dis. ... kand.ist.nauk. Perm', 1999.

Bayandina N.P. Perm' kupecheskaya. Perm', 2002.

Bushmakov A.V. Izmeneniya mental'nosti gorodskogo naseleniya rossiyskoy provintsii v kontse XIX – nachale XX v.: avtoref. dis.... kand.ist.nauk. Perm', 2006.

Byuttner E. Pis'ma pochtal'ona: distantsionnaya intimnost' i semeynaya zhizn' indiyiskikh kolonizatorov // Ab imperio. 2008. № 2.

Falina V.A. Frazeologiya epistolyarnogo zhanra (na materialakh chastnoy perepiski kupecheskogo sosloviya Vladimirskoy gubernii serediny XIX – nachala XX v.): diss. ... kand. filol. nauk. Ivanovo, 2000.

Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraja (GAPK). F. 128. Op. 1. D. 24.

- Klyueva V.P. Pis'ma iz vyatskoy glubinki. (Istoriko-kul'turnyy analiz pisem sem'i Zhernakovykh. 1881–1896 gg.) // Gertsenka: Vyatskie zapiski. Kirov, 2003. Vyp. 4.
- Komleva E.V. Dokumenty iz kolleksii krasnoyarskikh kuptsov Larionovykh: sostav i perspektivy izucheniya. Mater. I mezhtregion. nauch.-prakt. konf. «Arkhivnye dokumenty v sisteme ob'ektivnogo nauchnogo znaniya ob istorii Sibiri». Abakan, 2012.
- Koshenova N.Yu. Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya o sibirskom kupechestve vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.: dis. ... kand.ist.nauk. Barnaul, 2005.
- Kozlova N.N. Stseny iz chastnoy zhizni perioda «zastoya»: semeynaya perepiska. Zhurn. sotsiologii i sots. antropologii. 1999. T.2, vyp.3. URL: <http://www.old.jourssa.ru/> (data obrashheniya: 12.04.2014).
- Kupecheskie dnevniki i memuary kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v. / sost. A.V. Semenova, A.I. Aksenov, N.V. Sereda. M., 2007.
- Lerner L.A. Chastnaya zhizn' russkogo provintsial'nogo kupechestva v XIX v. (na primere Kurskoy gubernii): dis. ... kand.ist.nauk. Kursk, 2003.
- Lyarskiy A.B. Shkol'nye rukopisnye zhurnaly i gazety kontsa XIX – nachala XX v. kak faktor sotsializatsii. Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya. 2013. № 2(22).
- Marasina E.N. Ideologicheskoe vozdeystvie politiki samodержaviya na soznanie elity rossiyskogo dvoryanstva vtoroy poloviny XVIII veka: po materialam zakonodatel'stva i perepiski: Dis. ... d.i.n. M., 2008
- Marasina E.N. Sotsial'naya psikhologiya intellektual'no-aristokraticeskikh krugov rossiyskogo dvoryanstva posledney treti XVIII v. (Opyt formal'no-kolichestvennogo analiza istochnikov epistol'yarnogo kharaktera): diss.... kand.ist.nauk. M., 1991.
- Maslova I.V. Mentalitet provintsial'nogo kupechestva Rossiyskoy imperii v XIX — nachale XX vv. (na materialakh uezdnykh gorodov Vyatskoy gubernii): dis. ... dokt.ist.nauk. Kazan', 2010.
- Naumov E.Yu. Perepiska Chicherinykh kak istochnik po istorii obshchestvennogo soznaniya i kul'tury Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.: dis. ... kand.ist.nauk. M., 1985.
- Romashova M.V. Deti i fenomen detstva v otechestvennoy istorii: noveyshie issledovaniya, diskussionnye ploshchadki, sobytiya. Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya. 2013. № 2(22).
- Sal'nikova A.A. «Detskoe pis'mo» i ego spetsifika. Detstvo v nauchnykh, obrazovatel'nykh i khudozhestvennykh tekstakh: opyt prochteniya i interpretatsii. Kazan', 2011.
- Sal'nikova A.A. Vnuki sovetskoy imperii: detskie sochineniya na temu « Ya, moyaya sem'ya, moyaya strana v 1990-e gody» // Ab imperio. 2001. № 1–2.
- Skubnevskiy V.A., Goncharov Yu.M. Kupechestvo Sibiri vtoroy poloviny XIX v. Sibirskaya zaimka. Istoriya Sibiri v nauchnykh publikatsiyakh. URL: <http://zaimka.ru/skubnevsky-merchants> (data obrashheniya: 02.10.2013).
- Smirnova M.A. Memuary i dnevniki peterburgskikh kuptsov kontsa XVIII — nachala XX vv. kak istoricheskiy istochnik: avtoref. dis. ... kand.ist.nauk. SPb., 2011.
- Varvara Alekseevna Morozova: na blago prosveshcheniya Moskvy. T. 1: Biografiya. Dnevniky Vari. M., 2008.